

ОППОЗИЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ **

Нам все еще нелегко избавляться от словозаклятий, в которые вложено столько хилиастической убежденности, своекорыстного интереса, ненависти и злобы. Они наделяли властью, приобщали к привилегиям или затыкали рот противнику, а то и звучали как ордер на арест: коммунист, беспартийный, антикоммунист, "всего лишь" социалист, социал-демократ, масариковец...

Слова эти перегружены сверх нормального водоизмещения, которое гарантирует безопасность плавания в политических водах. Ведь и какая-нибудь невинная приверженность к социалистическим идеям может быть определена то как отживший старокommунизм, то как коварный антикоммунизм -- выбор на любой вкус и для любой надобности.

Но все легче наши корабли и все реже вырываются обвинения, иногда пробежит между нами искра, но гаснет, никого не обжигая. В наших спорах ощущаются давние и недавние травмы, тревоги прошлого, но вовсе не предвестия будущего. Бывает нередко, что ровесники, люди похожих судеб, одинаковых убеждений и сходной -- допустим, "оппозиционной" -- политической ориентации внезапно принимают спорить остро, страстно, не утруждая себя доказательствами -- кто социалист, а кто нет, кто радикал, а кто нет, кто всегда выступал против компартии, а кто был попутчиком или даже состоял в ее членах...

К политическим программам относятся сейчас так же, как к политическим и идеологическим ярлыкам. Они не волнуют почти никого. Нет у оппозиции желания составлять программы, объединяться, группироваться, строить единый фронт. Иногда,

* Ян Старек -- псевдоним автора, живущего в Праге. -- Ред.

** Отрывки из статьи "Эмиграция и оппозиция", напечатанной в журнале "Сведецтви" № 50/75, который выходит в Париже на чешском языке.

правда, и у нас можно слышать: "Мы знаем, чего не хотим, но не знаем, чего хотим! Необходимо, наконец, договориться..." И все же программ -- хоть действия, хоть кратковременных или долгосрочных, хоть минимум или максимум -- нет как нет. Основываясь на одном этом факте, можно было бы поставить крест и на оппозиции, и на политическом мышлении в нашей стране вообще. Однако, присмотревшись внимательней, видишь, что судить о них по программам, по их количеству или качеству, совершенно неправильно. Ведь теперешний программный вакуум может свидетельствовать и о совершенно противоположном! Мы, наконец, излечиваемся от идеологической горячки и сопутствующей ей политической летаргии.

На фоне программосозидающих усилий западных коммунистических партий, идеологической активности новых левых, да и трезво-прагматического, хотя и концептуального мышления социал-демократов чехословацкий скептицизм к любой идеологии, какой бы очищенной и обновленной она ни выглядела, к любым программным заявлениям совершенно уникален. Западные коммунисты, левые, да и социал-демократы оценивают, вероятно, этот скептицизм чехословацкой оппозиции как необъяснимый, неприемлемый, политически ошибочный... И все же теперешняя политическая жизнь Чехословакии динамичней и многогранней, чем несколько лет назад, когда группы конспираторов допоздна засиживались над программами и заявлениями, когда делались попытки создать некий единый фронт национального освобождения... Это трудно объяснимое явление означает созревание в нашей стране прагматической "оппозиции". Впрочем, это определение требует осторожности. Едва ли нужно объяснять, почему я пишу слово "оппозиция" в кавычках, а о новом феномене -- нашей прагматичности -- нужно сказать несколько подробнее. Он пока еще не определился, этот плод, зачатый трагедией 1968-1969 гг., еще не доношен. Прагматизм еще не созрел настолько, чтобы стать цельным мировоззрением, чтобы сформировать своих мыслителей. И не исключено, что первые протагонисты этого направления будут по привычке освистаны... Наш прагматизм пока что -- скорее подсознательное предчувствие, чем отчетливое убеждение. Нормы подлинно прагматического поведения, которые побуждают отказаться от многих естественных для интеллектуала привычек, нашим "прагматикам" почти что не ведомы. Они едва ли имеют ясное

понятие о том, к чему их обяжет "этика" политического прагматизма...

"Не составляйте программ -- по крайней мере, не сейчас!" -- этот клич тоже может служить программой или хотя бы общим для всех знаменателем. Он заслуживает, чтобы к нему прислушались особенно потому, что он исходит из среды, которая была прежде чересчур идеологизирована и политически агрессивна. Отказ от программы -- тоже прогресс, если он дает оппозиции время отдышаться, внимательней проанализировать действительность. На этой почве можно, разумеется, разработать программы, но такие, которые нас не свяжут, не будут приписывать действительности того, чего в ней нет. И в будущем такие программы наверняка появятся, ибо в противном случае все наши сдержанно оптимистические суждения не стоили бы и ломаного гроша.

Нежелание ввязываться в споры о принципах даже при болтовне с приятелями, нежелание обсуждать, какой социализм подлинный, какой неподлинный, нежелание раз и навсегда выбирать -- с кем и против кого, отказ от суммарных программ и вывешивания политических знамен, хоть и самых незапятнанных, -- такова характерная черта современной Чехословакии.

Исчезает постепенно даже язык, которым пользовались на протяжении десятилетий для обсуждения перечисленных выше вопросов, и не только в кругах коммунистов-реформистов... Даже интеллектуалы все меньше увлекаются разгадкой идеологических шарад. Перед мыслящим человеком, который сохранил еще совесть и честь, при тоталитарном режиме встает множество политически окрашенных проблем практического выбора. Он вынужден ежедневно занимать определенную позицию. И тут-то он начинает понимать, насколько никчемны все готовые рецепты, все однозначные решения.

... Все, что напоминает прошлое, отталкивает людей современной Чехословакии. Отталкивает их и оригинальность всего нового и необычного. Вероятно, потому, что и это новое представляется скептикам-чехословакам чем-то подозрительно знакомым. Подсознательно, но и настойчиво люди ищут будничных ценностей, которые наверняка переживут очередную моду именно данного сезона. Уже перестали носить интеллектуальные одежды как модное платье: нет публики, чтобы их разглядывать. В этом, может быть, еще одно из преимуществ наших не-

счастий. Ищут чего-то, в чем теплится хоть огонек надежды, но именно огонек, по возможности без особенно радужных посулов. Современное мышление вдумчивого чехословака наверняка может претендовать на первое место в мире по "серости". Но зато оно имеет первенство и по трезвости, осторожности, критичности и самокритичности. Демагогам и трибунам всевозможных исповеданий нелегко было бы у нас привлечь к себе внимание толпы...

Любая осмысленная политическая программа, без которой, в конечном счете, не обойтись, не может ограничиться одними призывами, перечнем лозунгов для всех возможных ситуаций, своего рода "апрельскими тезисами". Содержательная программа предполагает стабильность, традицию, хотя бы некоторую историческую взаимосвязь мышления и действия, хоть какой-то тыл устоявшейся политической культуры...

Если такие условия в стране сложились, нет никакого смысла бесконечно толковать отдельные пункты программы, устранять вероятные подозрения, возвращаться к отправным точкам философии, ссылаться на классиков и т.п. Короче говоря, в наше время и в наших условиях желание быть точным, понятным и дословным рождает парадоксальный эффект, приводит к идеологической расплывчатости, к словесным перепалкам и взаимным выпадам... Мы поняли, наконец, что можно написать что угодно, можно написать даже хорошо, но потом наступает похмелье, потом выясняется, что сформулированная программа — это не сочетание мысли и действия, желаемого и возможного, а всего лишь умело исписанная бумага. У нас до сих пор нет навыков политического поведения, а их не заменить сколь угодно радикальным раскрытием причин банкротства коммунистического движения, блеском мысли или искренностью раскаяния: mea culpa, mea maxima culpa!

Люди, — и далеко не равнодушные, — поняли, что сейчас составление программы на повестке дня не стоит. И я думаю, что это не только раскрепощающее, но именно в политическом отношении ценное познание. Льды идеологии только-только тронулись. Лед тает, мышление постепенно высвобождается, распахиваются окна запертых комнат. Не больше и не меньше. Сейчас неразумно потерять терпение. Лед, правда, тает медленно, но ведь как долго он замерзал! Уже мало осталось материала для разработки программ, подобных дюжине прежних, но еще мало

накопилось для составления программы, соответствующей нуждам времени. Мало еще знаний, которые нужны будущим перспективным вождям. Уже мало для идеологии, еще мало для реалистического руководства к действию...

Практическая возможность изменить положение лежит в сфере реальной политической власти. Я не спорю, что от действий ее представителей часто тошнит и долго будет тошнить. Это, вероятно, отталкивает даже будущих "прагматиков". Но вопреки всему, когда наступит подходящий момент, мы обязаны сохранить ясную голову и здоровый желудок, чтобы оказать им помощь, — каждый по возможности. Разумеется, со всей критичностью и осторожностью.

Сейчас я рискну пророчествовать: перемены к лучшему осуществят коммунисты-реформисты и бывшие коммунисты. Они не дожидаются заранее предусмотренного секретным планом дня — процесс уже начался. И его не остановить...

У некоторых их действия вызовут высокомерный скептицизм, другие будут зевать от скуки, а третьи — бурно возмущаться. Я постараюсь как можно тоньше и убедительнее сформулировать элементарную истину: действовать, влиять будут не те, кто прав, чьи идеи великолепны и у кого отличная отметка за поведение. Действовать будут те, кто начнет действовать и никто другой. Это — тривиальная истина. Но это же и строжайше охраняемая тайна власть имущих, которые великолепно понимают силу воздействия самого факта непослушания.

Анти- и некоммунистическая оппозиция очень рафинирована, но в той же мере и недееспособна. Это, возможно, объясняется горькими воспоминаниями о процессах пятидесятых годов. С тех пор такая оппозиция научилась осторожности. Она не поддается еще одному самообману. Однако ее осторожность граничит со страхом, с элементарным человеческим страхом за спокойное существование...

Я вовсе не утверждаю, что стимулом предстоящей реформы станет чувство вины одних или сознание своей исторической ответственности у других. Но важно помнить, что носители власти умеют обращаться с механизмом режима, или, как минимум, с его отдельными частями, знают его недостатки, понимают его секретный код. Они чувствительно реагируют на колебания аппарата, знакомы с его секретными коридорами, которые ведут к тем, кто принимает решения. Они умеют уступать и пре-

красно двигаются в идеологическом тумане. Эти люди знают психологию и психопатологию аппаратчиков... И действовать начнут они, потому что не смогут не начать!

Их правда ограниченнее правды других, но именно они добьются более или менее значительных практических успехов. Они не будут стараться изменить структуру общества, потому что этих людей не столько волнуют принципы, сколько осязаемые результаты. В конце концов, именно они найдут оазисы и расчистят почву. Они дадут первый стимул движения и перемен. Они создадут предпосылки, при которых станет возможна дифференциация взглядов и поступков, хоть путь к этому будет тернист и извилист. Честолюбие носителей власти не претендует решать задачи по логике или геометрии, и они наверняка не решат проблему квадратуры круга, но им, быть может, удастся приблизиться к некоему подобию прямоугольника. Они не смогут "пролгаться" к правде. Это невозможно, но они добьются положения, при котором многие сегодняшние фальшивые "правды" снова можно будет публично объявить ложью или хотя бы ошибкой, перегибом, искажением... Эти люди не "детоталитаризируют" тоталитаризм, но именно они этот процесс начнут...

Реформаторы из кругов власть имущих не обольщаются насчет собственного положения. Многие из них с большей радостью стали бы либералами или демократами, просвещенными государственными деятелями или вождями... Впрочем, об этом они только говорят, да и то не очень убедительно. Но в политической игре, в борьбе за власть, в минуты правды они становятся самими собой, то есть реформистами, а реформировать они могут только существующий режим, которым управляет партия — все еще, хоть немного, их собственная партия...

Но скажем серьезно и уже без иронии: разве нет в этом какой-то доли нравственности, которая заслуживает уважения? Отказаться от более привлекательной, но по-дилетантски исполняемой роли демократа или либерала, остаться при своем первоначальном ремесле, сохранить позицию профессионального реформиста, аппаратчика-реформиста, — разве это не самый ответственный выбор из тех, какие есть у них в распоряжении?

Предположим, что такие люди уже действуют, что они хоть медленно, но группируются. Тогда важно решить, найдется ли у нас достаточно воли и терпения, чтобы стать их союзниками-

критиками в период новых, но уже продуманных нами реформ, чтобы оказать им поддержку при попытке решить квадратуру уже не совсем круглого круга... А ведь именно тогда, когда круг уже не совсем круглый, невозможно заранее вычислить геометрическую формулу решения задачи либо предвидеть последствия возможного решения...

Сможем ли мы совладать с собой, выдержат ли наши нервы? Кто выиграет в предстоящей битве? Не окажемся ли мы пешками в чужой игре? Столкнутся ли те, кто разошелся в 1968 году? Или в феврале 1948-го? А, может быть, еще раньше?.. До Мюнхена... Или...

Но если подумать хладнокровно, станет очевидна бессмысленность такого рода вопросов, их по-детски капризный и совершенно аполитичный характер. Такие вопросы напоминают суету помощника режиссера за кулисами подлинной жизни, который шлет актеров на сцену по заранее написанному, но ему самому неизвестному сценарию... Ведь мы ставим такие вопросы, как правило, потому, что заранее готовым ответом хотим подтвердить свою собственную правоту. Ведь доказать можно все, что угодно. Но если бы советские войска ушли из нашей страны, люди все же начали бы жить несколько лучше, хотя главные причины чехословацкой беды остались бы неустраненными...

Сила, но в то же время слабость тоталитарного режима заключается в том, что все действуют в одном направлении, в соответствии с директивой сверху. Но как только что-то начинает функционировать по-другому, образуется трещина, все разлагается и рушится. Я не утверждаю, что начавшийся процесс разложения уже нельзя приостановить, что он неизбежно приведет к детоталитаризации режима. А речь-то идет именно о самом процессе! Раз уже он начался, жить уже легче. Мы все это понимаем. А если мы поведем себя немного осторожней, чем в 1968 году, то продолжится и процесс...

Советское военное присутствие в Чехословакии — не причина, а всего лишь следствие целой политической эры, следствие Второй мировой войны и февраля 1948 года. Но может случиться, что даже без ликвидации этих первоначальных причин жизнь станет более приемлемой, более человеческой. Да и можно разве аннулировать 1948 год? Разве можно заново переигрывать историю? Чтобы начать жить иначе, вовсе не обязательно разматывать

весь клубок истории до "первоначальной ошибки". Чтобы действительно начать жить по-новому, не следует прежде всего обманывать себя. Можно отложить осуществление нашей правды на более благоприятное время... Вряд ли с этим все согласятся. Но я верю, что найдутся люди, которые сумеют *действовать* в духе этих "неприемлемых формулировок" о роли правды в истории, а не только *говорить* о них. Ну, а правда сама себя покажет...